

А. П. Соловьев

СВЯЩЕННИК ПАВЕЛ ФЛОРЕНСКИЙ: ПЕРСОНАЛИЗМ ПРОТИВ ХАОСА

Рецензия на: *Половинкин С. М.* Христианский персонализм священника Павла Флоренского. М.: РГГУ, 2015. 362 с.

Рецензия посвящена исследованию С. М. Половинкина, имеющего своей целью доказать то, что философию священника Павла Флоренского можно рассматривать как христианский персонализм. В рецензии показано, что данная монография, опирающаяся на комплекс опубликованных и архивных текстов о Павла, обосновывает невозможность интерпретировать его воззрения как пантеизм, космизм, имперсонализм. Это удается автору книги через раскрытие аритмологии, антиномизма и монадохологии как основ мировоззрения Флоренского. В рецензии отмечается, что обоснование персонализма философии о Павла становится возможным благодаря наличию у него учения о творчестве и свободе. Также делается вывод об оригинальном и удачном структурировании исследования С. М. Половинкина, и о том, что подход к пониманию философии П. А. Флоренского, предложенный исследователем, расширяет исследовательский горизонт и порождает новые вопросы.

Ключевые слова Половинкин, Флоренский, христианство, философия, персонализм, личность, монада, творчество, свобода, аритмология, антиномизм

Со времени издания первой специальной монографии, представляющей собой попытку целостного изложения мировоззрения и философского учения священника Павла Флоренского, прошло 26 лет¹. Спустя четверть века, в 2015 году, появилась еще одна монография, претендующая на то, чтобы стать наиболее подробным и целостным исследованием философии о Павла. При этом, и первое, и новейшее исследование были подготовлены именно С. М. Половинкиным, который предлагает интерпретировать философию о Павла Флоренского как христианский персонализм.

Такое понимание не является очевидным. То, что лежит в его философии на поверхности: учение о космосе, об иерархии, о символе, — все

Артем Павлович Соловьев — кандидат философских наук, доцент кафедры политологии, социологии и философии Башкирской академии государственной службы и управления (г. Уфа) (artstudium@yandex.ru).

¹ *Половинкин С. М.* П. А. Флоренский. Логос против хаоса. М.: Знание, 1989. 64 с.

это наводит на как бы очевидные выводы о космизме и/или пантеизме как сути воззрений Флоренского. Такие интерпретации можно встретить во многих исследованиях, посвященных философии о. Павла Флоренского. Отрицание персонализма у Флоренского восходит к Бердяеву, который с точки зрения своего крайнего индивидуализма (равном для него персонализму) пишет о «космическом прельщении» Флоренского и о том, что «человек у него подавлен»². Н. О. Лосский и В. В. Зеньковский, будучи сами персоналистами, обходят молчанием вопрос о персонализме Флоренского. А несомненным противником обнаружения персонализма у Флоренского является С. С. Хоружий, который отмечал: «Как всякий символизм, философия Флоренского чуждается антропологии и желала бы, елико возможно, растворить ее в философии природы»³. Ему вторит и С. С. Неретина, которая пишет о «далеком от персонализма» Флоренском⁴.

Однако стоит обратить внимание на то, что возможность преодоления антиперсоналистской интерпретации философии о. Павла Флоренского обусловлена публикацией новых материалов из архива о. Павла. Между 1989 и 2015 годом — время издания многотомного собрания сочинений о. Павла. И книгу С. М. Половинкина с ее радикальным персонализмом можно воспринимать как результат назревшей потребности в обобщающем исследовании мировоззрения Флоренского.

При этом вполне в духе персонализма оказывается, что одной из особенностей подачи материала С. М. Половинкиным является использование языка самого Флоренского для исследования его же идейного наследия. С. М. Половинкину удается выстраивать ряды фраз о. Павла и пояснений к ним таким образом, что читатель, вовлеченный в последовательность перемежающихся цитат и комментариев, перестает в определенный момент различать заковыченный текст и его интерпретацию. А это вызывает эффект соприсутствия исследователя и исследуемого.

² Бердяев Н. А. Русская идея // О России и русской философской культуре. М.: Наука, 1990. С. 254. (528 с.) Следует отметить, что как Бердяев, так и Лосский, и Зеньковский составляют свое мнение о философии Флоренского на основе его первой крупной работы «Столп и утверждение Истины», тогда как сейчас совершенно понятно, что целостное понимание воззрений о. Павла невозможно без учета его работ, написанных после 1922 года.

³ Хоружий С. С. Философский символизм Флоренского и его жизненные истоки // Историко-философский ежегодник – 88. М.: ИФ РАН, 1988. С. 191. (180–201)

⁴ Неретина С. С. Бердяев и Флоренский: о смысле исторического // Вопросы философии. 1991. № 3. С. 70. (67–83)

Этому способствует и стиль самого П. А. Флоренского, предложившего в «Автореферате» и в «Именах» именно язык для описания своего места в своем же мировоззрении. Так, например, начинается раздел монографии, посвященной пониманию веры в философии о. Павла: «Вера для людей с именем Павел — „необходимая сторона личности, и без веры такая личность просто не могла бы существовать“»⁵. Прием самоописания о. Павла С. М. Половинкин использует для того, чтобы восполнить то, что сам Флоренский не прояснил в своем самоописании.

Любая рецензия предполагает рассмотрение структуры работы. В случае с монографией С. М. Половинкина это имеет особое значение. Книга разбита на 60 разделов. Каждый раздел занимает от полутора до 24-х страниц. Иногда диспропорция даже слишком бросается в глаза. В некоторой степени названия разделов напоминают словарные статьи: «Аритмология», «Число», «Антиномизм», «Диалектика», «Монадология», «Целое — идея — форма», «Организм», «Личность», «Сердце», «Дух — душа — тело», «Свобода», «Творчество», «Вера», «Род», «Народ», «Семья», «София», «Космос», «Символ», «Слово», «Имя», «Культ», «История», «Кант», «Эсхатология» и т.д. Читать эти разделы-статьи можно как по порядку, так и непоследовательно. В целом же тематика разделов выстроена логично и демонстрирует то, что обычно называется категориальным аппаратом философа. Интересно и то, что разделы исследования не обобщены в главы по тематике. Это с одной стороны затрудняет чтение, а с другой — как бы демонстрирует один из важнейших для самого Флоренского принципов — принцип аритмологичности, прерывности.

Сам текст монографии — это некоторого рода континуум, но понятый не как непрерывная сплошная среда, а как совокупность прерывных единиц-параграфов, составляющий эту среду. Именно в аритмологии как учении о прерывности С. М. Половинкин видит отправную точку для персонализма Флоренского⁶. Этот принцип реализуется у П. А. Флоренского в монадологии — учении об индивидуальных субстанциях, которые с точки зрения о. Павла не замкнуты, и в отличие от монад Лейбница имеют «окна и двери», способны к взаимопроникновению⁷.

⁵ Половинкин С. М. Христианский персонализм священника Павла Флоренского. М.: РГГУ, 2015. С. 124.

⁶ Там же. С. 42.

⁷ Там же. С. 65.

Параграфы книги С. М. Половинкина имеют те же характеристики, что и монады. Каждый параграф — индивидуальная субстанция, раскрывающая тот или иной аспект мировоззрения Флоренского. Но при этом в каждом параграфе мы найдем скрытое или явное присутствие другого раздела. И в отношении к Флоренскому иначе быть не может, поскольку там, где о. Павел пишет о символе, там не может не идти речи об имени, числе, культе и т.д. Там же, где речь ведется о культе нельзя не говорить о понимании Бога, личности, чуда, символа, веры у Флоренского. Так оказывается, что автор монографии даже и структурой своей работы отражает черты мировоззрения о. Павла.

В монографии С. М. Половинкина можно достаточно четко выделить, во-первых, те разделы, которые относятся к вопросу обоснования персонализма о. Павла. Это первые десять разделов монографии, где задаются общие контуры рассмотрения христианского персонализма и персонализма вообще в русской философии, выявляются особенности русского персонализма, и где читатель четко видит те идеи, которые являются обоснованием центрального места христианского понимания личности в философии о. Павла.

К таким идеям автор монографии относит аритмологию как учение о прерывности, противоположное аналитическому мировоззрению, ориентированному на генерализацию, абсолютизацию и непрерывность всех процессов и явлений. Аритмология отсылает ко второму истоку персонализма П. А. Флоренского — к антиномизму, предполагающему сосуществование тезиса и антитезиса вместе. И более того, именно антиномизм оказывается у Флоренского условием возможности целого. А уже этим целым оказывается монада — индивидуальная субстанция, учение о которой и является основой персонализма.

От этих основоположений автор монографии переходит к пониманию организма и личности как таковых. В конце соответствующего раздела, «живой организм» по Флоренскому определяется как «индивидуальное воплощение целого, идеи и формы»⁸. Тут пока остается неразвернутым момент возможности присутствия у о. Павла гилозоизма и зависит вопрос о вероятности существования «неживого организма». Первая неясность разрешается позже, когда исследователь вполне однозначно пишет о том, что «Флоренский понимал Космос как одушевленный организм»⁹. То есть всеобщее одушевление, очевидно, присутствует

⁸ Там же. С. 74.

⁹ Там же. С. 189.

в философии о. Павла. В итоге получается, что все является живым и одушевленным, кроме механизма, который, несомненно, с точки зрения о. Павла, бездушен. И более того, механизм является хаотизированным — то есть греховным¹⁰.

Такое понимание организма приводит автора к необходимости выявить разграничение между природой, человеком и Богом у о. Павла. Понятно, что для Флоренского и Бог, и человек, и природа являются организмами-монадами. При этом и Бог, и человек — это личности. Следовательно, если критерии отличия Бога от человека и от природы вполне ясны, то требуется выяснить вопрос о том, чем человек отличается от Космоса. То есть самой монадологии, аритмологии и антиномизма еще не достаточно, чтобы говорить о персонализме. Ведь если приравнять любую монаду к личности, то получается лишь панпсихизм, но не персонализм.

Как показывает исследователь, у Флоренского оказывается, что человек есть такой организм-монада, который, являясь микрокосмосом¹¹, стремится не к реализации образа Космоса в себе, но — к реализации образа Творца этого Космоса. Человеческая личность — это монада, чья особенность состоит в том, что она есть образ и подобие Божие¹². По сути, это и есть определение личности человека у Флоренского, которое и позволяет говорить о его персонализме. И именно поэтому после рассмотрения понимания личности у о. Павла С. М. Половинкин приступает к рассмотрению тех отдельных существенных характеристик, которые по мысли Флоренского делают личность личностью. Это можно увидеть в таких разделах исследования, как «Сердце», «Дух — душа — тело», «Усия и ипостась», «Любовь», «Свобода», «Творчество», «Вера».

Затем следуют разделы, которые можно определить как намечающие контуры идеальной и целостной личности: «Бог-Триединица», «Христос», «Церковь», «Род», «Народ», «Семья», «София». А далее (и это почти половина книги) идут разделы, посвященные тем сферам, в которых и/или через которые личность реализует свое стремление к идеалу. Здесь автор исследования последовательно определяет персоналистический характер подхода о. Павла к этим отдельным сферам. Путям и способам совершенствования личности посвящены разделы: «Онтологическая гносеология», «Сомнение», «Истина и истина», «Символ», «Слово», «Имя»,

¹⁰ Там же. С. 100–101.

¹¹ Там же. С. 189.

¹² Там же. С. 76.

«Культ», «Культура», «Икона». Затем собственно и следует рассмотрение тех сфер, в которых личность находит свою реализацию, то есть возможность (или невозможность) совершенствования, которое в пределе-итоге о. Павлом понимается как «обожение». Тут снова стоит упомянуть разделы «Культ» и «Культура», поскольку автору удастся показать, что предельная персонализация тварной монады возможна именно в культе: «Душа человеческая есть „культовая душа“»¹³. Но, кроме того, С. М. Половинкин показывает персоналистичность подхода Флоренского к рассмотрению таких аспектов культуры как философия¹⁴, мистика, магия, оккультизм¹⁵, «учительство»¹⁶, «художество»¹⁷, музыка¹⁸, история¹⁹.

Вопросы, связанные с персоналистическим пониманием политических и экономических аспектов культуры у Флоренского затрагиваются лишь косвенно в контексте рассмотрения философии культуры. Возможно, их можно было выделить в отдельные разделы. Но монография С. М. Половинкина ценна и тем, что данные темы, затронутые в исследовании лишь «между прочим», определены как направления дальнейшего изучения того, как Флоренский применяет христианский персоналистический подход именно в этих сферах. Книга оказывается открытым текстом — его можно не только читать практически в любом порядке и направлении, но и «дописывать», прояснять намеченное автором.

К таким темам, размыкающим исследование, делающим его «длящимся» можно отнести вопросы, связанные с проработкой разграничения «живого» и «не живого» у Флоренского, с пониманием энергии у него (автор монографии однозначно показывает отсутствие статичности в миропонимании Флоренского и обосновывает наличие у него учения об энергиях, но как отдельная тема «энергия» не выделена в исследовании). Открытым остается вопрос о «любви» в христианском персонализме. Любовь в христианском понимании предполагает послушание, исполнение заповедей, но в книге С. М. Половинкина понимание любви у Флоренского подано в онтологическом и психологическом аспектах, которые не соотношены с нравственной стороной любви.

¹³ Там же. С. 255.

¹⁴ Там же. С. 265–268, 285–291.

¹⁵ Там же. С. 268–285.

¹⁶ Там же. С. 291–294.

¹⁷ Там же. С. 294–301.

¹⁸ Там же. С. 301–304.

¹⁹ Там же. С. 304–329.

Требуют разъяснения утверждения Флоренского, связанные с пониманием ипостаси и ипостасности: «Флоренский полагал, что ипостасей может быть больше трех „через принятие новых ипостасей в недра Троичной жизни“»²⁰. Автор монографии разъясняет, что эти новые ипостаси правильнее называть «обоженными личностями», но не разворачивает это неоднозначное с православной точки зрения положение, тем самым вновь указывая на направление дальнейших исследований. А ведь именно в связи с тем, что Флоренский вкладывает новые смыслы в привычные для православного богословия понятия, и возникают у критиков предлоги для обвинения Флоренского в неправославности его философии. Это связано, в том числе и с пониманием Софии у о. Павла. София у него — это и четвертая ипостась, и Христос, и Богородица, и Церковь, и благодать Божия. Автор монографии выделяет 26 значений Софии у Флоренского²¹. И отсылка к антиномичности Софии здесь явно не достаточна.

Таких открытых тем и вопросов в исследовании С. М. Половинкина множество, что понимает и сам автор. И даже не просто понимает, но и заявляет напрямую. В конце параграфа «Антиномия спасения и осуждения» он напрямую ставит вопросы перед текстами Флоренского: «Самость — это индивидуальность вообще или лишь греховная? Какая индивидуальность сгорает, только греховная или любая?»²² И далее честно признает: «Ответов на все эти вопросы в трудах Флоренского найти не удалось»²³.

Такое понимание необходимости дальнейшего исследования и указание их направлений является несомненным достоинством монографии. Но еще более важным является обоснование того, что одним из магистральных направлений русской мысли является христианский персонализм, раскрытый в данном случае как основа философии священника Павла Флоренского.

Источники и литература

1. Бердяев Н. А. Русская идея // О России и русской философской культуре. М.: Наука, 1990. 528 с.

²⁰ Там же. С. 132.

²¹ Там же. С. 174–177.

²² Там же. С. 150.

²³ Там же. С. 150.

2. *Неретина С. С.* Бердяев и Флоренский: о смысле исторического // Вопросы философии. 1991. № 3. С. 67–83.
3. *Половинкин С. М.* П. А. Флоренский. Логос против хаоса. М.: Знание, 1989. 64 с.
4. *Половинкин С. М.* Христианский персонализм священника Павла Флоренского. М.: РГГУ, 2015. 362 с.
5. *Хоружий С. С.* Философский символизм Флоренского и его жизненные истоки // Историко-философский ежегодник — 88. М.: ИФ РАН, 1988. С. 180–201.